

Цикл
Владимира Зингера
и Евгения Шалашова

УБЕЙ-ГОРОДОК

Убей-городок
Убей-городок. Ошибка комиссара
Убей-городок. Долгожданная кража

Владимир Зингер
Евгений Шалашов

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
З-63

Серия «Попаданец»
Выпуск 212

Иллюстрация на обложке *Михаила Федулова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Зингер, Владимир
Шалашов, Евгений

З-63 Убей-городок. Долгожданная кража: роман / Владимир Зингер, Евгений Шалашов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-179991-5

Неизбежное предназначение каждого «попаданца» — изменить реальность, уж если не глобально, то хотя бы вокруг себя. Потому что иначе — зачем всё это? Зачем тебе «послезнание», если ты им не собираешься пользоваться? Казалось бы, всё так. Однако...

Лейтенант милиции Алексей Воронцов продолжает пребывать в 1977 году. Он уже вполне адаптировался к окружающей его действительности и понимает, что мир и без его усилий достаточно изменчив и не в полной мере копирует ранее прожитую им жизнь. Сейчас перед ним стоит «задача наоборот» — сохранить в неизменности некое весьма важное для него событие с далеко идущими последствиями. А коварный мир, как назло, предлагает ему неподвижные обстоятельства, одно за другим.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Владимир Зингер, 2026
© Евгений Шалашов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-179991-5

Вместо предисловия КАЖДОМУ — ПО ЗАСЛУГАМ ЕГО

И тогда я не сдержался. Нельзя сказать, что это была пощёчина, вполне оправданная в данном случае. Это была оплеуха. Хорошая деревенская оплеуха с заявкой как минимум на фингал под глазом. Пока голова следователя дребезжала между моей ладонью и косяком, я уже пожалел о содеянном. Погорячился, пожалуй. Это ещё как посмотреть? Можно и так, что ничего такого, заслуживающего наказания действием, Утягин и не совершил. И тогда я не защитник оскорблённой чести (фу, какой пафос!), пусть и не своей, а просто грубиян и забияка. Да ещё можно и в ответку получить.

Я приготовился ждать, но на ответку у Утягина не хватило пороку. Вместо этого он прикрыл ладонями свои бедные уши и тоненько запричитал:

— Ну всё, Воронцов, тебе кранты! Вылетишь теперь отсюда, как пробка из затычки!

Пробка из затычки — это что-то новенькое! Видимо, от знакомства с косяком у моего оппонента наступило временное обрушение

когнитивных связей. А Утягин продолжал в том же духе:

— Это тебе даром не пройдёт! Все видели, как ты меня! Вот ты, ты видел?

Я проследил за взглядом следователя и увидел в конце пустынного коридора Женьку Митрофанова, сыщика и моего лучшего друга. Да, неудачный свидетель для Утягина подвернулся. Женька стоял с обалдевшим видом, но, услышав обращение в свой адрес, подошёл вплотную к мученику и внятно произнёс:

— Заруби себе на носу: меня здесь нет. Это тебе кажется от помутнения рассудка. И Воронцова нет. Верно ведь, Воронцов?

От неожиданности я согласно кивнул. И пока следак с обалдевшим видом переваривал услышанное, Джексон мягко, но настойчиво увлёк меня прочь, от греха подальше, так сказать. За поворотом коридора он освободил меня от своего дружеского, но плотного захвата и протянул свою пятерню:

— Не спрашиваю за что, но уважаю. Молоток! Эта харя давно кирпича просила, да смельчаков не находилось. Так что держись. Я с тобой! Потом расскажешь.

И Джексон умчался по своим делам. А я отправился по своим, теребя в голове известное изречение о том, что лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть.

Однако историю эту надо начинать с более ранних событий.

Глава 1

НОСТАЛЬГИЯ ПО БУДУЩЕМУ. И НЕ ТОЛЬКО

— Красавчик яхонтовый, счастливчик бриллиантовый, не торопись, не уходи от счастья своего!

Ко мне с фланга по улице Горького приближались четыре цыганки: две постарше, две совсем молоденькие. У тех, что постарше, широкими цветастыми шалями были примотаны к огромным бесформенным грудям младенцы. Те, что помоложе, оказались стройны в талиях и очень даже красивы. Но вот влюбляться в них я бы не торопился — достаточно посмотреть на их товарок, чтобы понять, какими они станут в скором времени.

Цыганки, непрерывно и все разом галдя, привычным манером окружили меня, чтобы отрезать пути к отступлению. Всё ясно — молодых девчонок вывели на стажировку. Ужасно не люблю, когда за спиной кто-то стоит — базовое правило безопасности, отработанное годами и ножевым ранением, полученным два года назад. Поэтому пришлось сманеврировать, чтобы

шумные собеседницы всем скопом оказались перед моим фасадом.

Одна молодуха начала свою песню:

— Молодой, интересный, давай я тебе погадаю! Всю правду скажу. Научу, как от зла избавиться. Что впереди ждёт, покажу. Давай руку свою...

Мне стало интересно, что может рассказать цыганка человеку, знающему своё будущее. Я протянул руку.

— О-о-о! Алмазный мой, сколько тут у тебя всего! Только чёрный туман мешает. Позолоти ручку, всё сразу скажу!

— Золота нет, есть железо, — я вытащил из-за пояса наручники и покачал их на пальце. — Браслеты для молодой девушки получатся замечательные! Да я и сам могу предсказать вам ваше ближайшее будущее: ждёт вас, красавицы, жёлтая телега на резиновом ходу и казённый дом!

Только цыганки оказались не из пугливых. Понимали, что для милиции возни с ними будет больше, чем пользы. Точнее, пользы — никакой. Поэтому они только загалдели громче. А я с ними связываться и не собирался, своих дел полно. Да я пока ещё и своей цели не добился — узнать цыганскую версию моего будущего. А вдруг?

После того, как мы уравнивали шансы — они мне гадают бесплатно, я их не тащу в кутузку, — я снова протянул цыганке свою руку.

— Ну, смуглявая ты моя, давай, тарихти мне про моё будущее!

Но удивительное дело — цыганка вдруг ступевалась. Увидела что-нибудь необычное в моих линиях жизни или не умеет гадать «за так»? Ей на выручку тут же пришла старшая товарка. Она перестала лузгать семечки и перехватила управление процессом.

— Давай, черноголовый, свою руку мне. Не бойся, больно не будет.

Она достаточно долго и пристально всматривалась в мою ладонь, поворачивая её и так, и этак.

— Вижу, вижу всё про тебя. Ты парень сильный: и с рублём хозяин, и без рубля хозяин. Но томит тебя забота тайная, про которую тебе и сказать некому. Позолоти ручку, сахарный мой, сразу увижу, чем спастись можешь!

Я звякнул наручниками. Цыганка весело стрельнула на меня глазами, дескать, ладно уж, погорячилась.

— А ещё вижу, — продолжила она, погасив озорство во взгляде. — Вижу перемены, которых ты не ждёшь. Вот ты думаешь, что всё наперёд знаешь, а получишь два удара от людей, тебе известных.

Цыганка замолчала. Потом неожиданно выдала:

— Ну не могу я так! Дай хоть копейку, служивый, а то эту, как её, квалификацию потеряю.

Я достал из кармана какую-то мелочь и протянул цыганке. «Ну и нагадала, — подумал. — Обычный цыганский трёп, на все случаи жизни:

заботы тайные, перемены, удары. Вот только «без рубля хозяйин» — это про что она?»

Цыганка тем временем спрятала деньги где-то в своих необъятных юбках, поправила положение ребёнка на груди и произнесла:

— Вот думала, черноголовый, с самого начала, говорить тебе или нет. Скажу всё-таки — будет на твоём пути вскорости казённый дом. Уж как там чего, не знаю, но будет. Видела. И не спрашивай ничего больше. Не скажу.

А я и не собирался ничего спрашивать. Смотрел вслед уходящим цыганкам и думал, что в одном гадалка права — перемены будут. Они всегда бывают, хочешь ли ты их или нет, знаешь о них или не знаешь.

Сентябрь семьдесят седьмого года подарил нам изумительное бабье лето и нового начальника райотдела. Вот вам и перемена. Прежний шеф, отец наш родной Николай Павлович, как-то быстро и незаметно отправился делать горизонтальную карьеру — возглавил следственный отдел в городском управлении.

Мои воспоминания о будущем ничего особо плохого про нового начальника не содержали, хотя знал я о нём даже больше, чем он сам. Например, когда и как он умрёт. Вот, если в новой реальности он будет меня обижать, подумал я, возьму, да и расскажу ему про его кончину. Он, конечно, не поверит, закоренелый материалист и марксист-ленинист, и даже посмеётся мне в глаза, но порой ночами будет просыпаться в холодном поту и терзаться мыслями о моих про-

рочествах, от которых его подсознание никак не захочет освободиться.

Алексей Максимович Большаков прибыл к нам из глухой провинции за подполковником. И не только. Череповец — это вам цивилизация, а не какая-нибудь тусклая окраина Вологодской области. Тем более квартиру сразу дают, да ещё в приличном месте. Первым делом он сразил подчинённых тремя академическими ромбиками на майорском мундире: рядом с синим поплавком какого-то гражданского вуза красовался бордовый знак с огромным гербом СССР от Высшей школы милиции, а замыкал это великолепие ромбик побольше, опять же с гербом на верхнем его острие и двумя бородатыми профилями в центре. Для верности, чтобы уж никто не сомневался, чьи же это профили, ниже располагались буквы: УМЛ — университет марксизма-ленинизма.

Среди сотрудников сразу же пошёл гулять старый анекдот: «Что ж ты, милок, совсем тупой, если тебя в одном институте сразу научить не смогли?» Возможность второго высшего образования в те времена никто даже в голове не держал, а тут — целых три! Правда, если уж совсем честно, тот самый УМЛ официального высшего образования и не давал, но нагрудный знак, очень похожий на настоящий академический ромбик, его выпускникам вручался с большой помпой.

Но анекдоты анекдотами, а Алексей Максимович быстро доказал, что эти инсинуации

не про него. Мужик оказался толковый и весьма эрудированный. Потихоньку мы разузнали, что до милиции он работал в газете там же, в районе, и даже был главным редактором, а потом по партийной путёвке оказался брошен на укрепление милицейских рядов, где быстро и решительно преуспел. К Череповцу он тоже достаточно успешно адаптировался. Не мог только изжить одну мелочь — называть себя начальником милиции. Дело в том, что на прежнем месте службы такое самоназвание было вполне оправдано — начальник райотдела и был главным милиционером района, а вот в Череповце с его разветвлённой структурой подразделений он оказался всего лишь одним из многих руководителей, хотя и весьма важным. Сотрудники посмеивались потихоньку между собой: «Наш-то пострел уже на главу УВД метит, не иначе!»

И вот в этом месте какой-то чёртик сподобил меня взяться помогать неопытному шефу уберечься от конфуза. Надо было тут же вспомнить мудрую мысль про то, куда ведут благие намерения. Не вспомнил, альтруист несчастный! И наши отношения перешли в состояние недружественных.

А началось всё так. После оперативки, на которой Алексей Максимович в очередной раз провозгласил себя начальником милиции, вызвав тем самым переглядки и хитренькие усмешки сотрудников, я попросил разрешения остаться.

— Извините, Алексей Максимыч, тут дело такое... Я вижу, что сотрудники посмеиваются... Да и начальнику управления может не понравиться, что вы себя начальником милиции называете...

Зачем я полез в эту кашу? Сложно объяснить. Наверное, потому, что испытывал некое двойное чувство: с одной стороны, передо мной, юным лейтенантом, находился руководитель, к которому не подобает лезть с пикантными советами. С другой — я прожил и повидал в первой своей жизни столько, что не грех и уберечь ещё не в полной мере освоившегося с новой обстановкой человека от неоправданных шагов. А этот Алексей Максимович возрастом моего старшего сына. Такая вот загогулина получается. Так почему бы и не помочь?

Но на практике всё пошло по-другому, и благодарности за помощь я не снискал. Начальник посмотрел на меня сурово и испытующе:

— Любите дёргать тигра за усы, молодой человек? Ну-ну. Как же, поглумиться над новым начальником, который априори хуже старого — святое дело! Так ведь? А над чем глумиться, умишка не хватило найти. Вот и вытащили какую-то фигню (здесь Большаков употребил совсем другое слово).

Он откинулся на спинку кресла и строго спросил:

— Сам придумал или друзья подучили? Стидно, товарищ лейтенант, как вас там, Воронцов что ли?

Глупо всё вышло. Большаков дальше слушать меня не стал и выпроводил за дверь. «Так тебе и надо, — сказал я себе. — Альтруист благоглупый!» Я ещё в тот момент не знал, что история эта получит совершенно неожиданное развитие, и Большаков окончательно запишет меня в деструктивные элементы.

Через пару дней меня вызвонил дежурный:

— Воронцов, хорошо, что ты на месте! Бегом к начальнику! Чего ты там такого натворил? Шеф из управления прибыл и даже обстановкой интересоваться не стал. Походя бросил, что тебя к нему, а сам зелёный весь!

Когда я вошёл в кабинет, Большаков был совсем не зелёный, а очень даже обычный. Вот только тон его, демонстративно вежливый, не предвещал ничего хорошего.

— Ябедничать изволим? — начал он безо всяких преамбул. — Субординацию нарушаем? Смуту в коллектив вносим?

Вот это разворот! Всё перечисленное, как я понимал себя в этом мире, могло относиться ко мне в последнюю очередь. И мой недоумённый вид должен был продемонстрировать шефу, что он в данный момент совершает чудовищную ошибку, за которую потом будет стыдно, но не тут-то было! Что-то там произошло, крайне неприятное для него и непонятное пока для меня, и было похоже, что всю дорогу от управления Большаков рисовал в уме картинки моего растоптания и уничтожения в надежде получить от этого процесса хоть какое-то облегчение на душе.

Иначе с чего бы такой неожиданный заход на этот разговор?

А шеф тем временем продолжил свои невнятные обличения:

— И не стройте из себя невинного агнца! Обсуждать, понимаете ли, своего начальника за его спиной, да ещё с товарищами из управления, — это последнее дело, Воронцов! Кому ещё успели свои гнусные мысли нашептать?

Я молчал. Оправдывающийся — виноват. Эту простую истину я усвоил уже очень давно. Надеялся только, что по-прежнему удавалось сохранить недоумение на своей физиономии. Однако Большакову и не требовалось никаких моих слов. Дальше он уличил меня в признании собственной вины, поскольку я молчал, значит, сказать в своё оправдание мне было нечего. Вот так. Хоть молчи, хоть не молчи, всё одно, если начальник решил тебя назначить на роль виноватого.

Я прикинул, а сам-то я в другие времена поступал вот так же со своими подчинёнными? Назначал виноватым без особых разбирательств? Подходящего ответа сразу не нашлось, да и место, и время были неподходящими для таких раздумий, а тут и Алексей Максимович, похоже, подходил к завершению выволочки:

— Мне всё понятно. Очень жаль, Воронцов, что наши отношения перешли в такую фазу. А мне вас характеризовали как дельного сотрудника. Что ж, тем хуже. Теперь уж я буду внимательно следить за вашей работой. Идите пока!